

УДК 340.114.3+316.334.4

Е.А.ЗЕМЛЯНИНОВА

ФАКТОРЫ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА

Институт государства и права НАН Беларуси, Минск

Введение. Многообразное функциональное воздействие права на общественные отношения проявляется как следствие реализации нормативных установлений данного регулятивного института. Осуществление интегративной функции правовых норм содержательно охватывает процесс и итог обеспечения посредством права целостности, равновесия и эволюционного воспроизводства (интеграции) социальной системы.

Цель и новизна авторского исследования, результаты которого изложены в настоящей статье, состоит в выявлении опосредующих реализацию интегративной функции права факторов и их классификации, а также уяснении форм осуществления правом указанной функции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Выводы автора были получены на основе использования как общенаучных методов познания (анализа, дедуктивного и индуктивного методов, синтеза), так и частнонаучных методов исследования (структурно-функционального анализа, формально-юридического метода и сравнительно-правового метода). Значимость результатов авторского исследования связана с использованием концептуальных достижений представителей структурно-функциональной теории в общей социологии (Т. Парсонса, Р. Мертона, Л. Козера, Н. Лумана и др.) для уяснения интегративного потенциала права.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ.

Учитывая идею разделения права и закона, вся совокупность факторов реализации интегративной функции права, по мнению автора, может быть условно подразделена на две группы: 1) факторы, относящиеся к содержанию и форме выражения юридических норм и 2) факторы, характеризующие среду их функционирования.

В рамках первой названной группы будут рассмотрены лишь те касающиеся содержания и формы юридических норм факторы, которые определяют непосредственное восприятие юридических моделей поведения их адресатами. Содержание юридических предписаний должно определяться на основе выявления правообразующих факторов (тенденций развития общественных институтов) и сущности «правообразующего интереса» (термин В. Лапаевой) как итога взаимоувязки различных групп социальных интересов, а также оценки наличных ресурсов как материальной предпосылки последующей реализации юридических норм. Реализация указанных требований позволяет

корректно определить предмет, цели, способы и пределы правового регулирования определенной сферы общественных отношений. Характеристика механизма согласования интересов как такового не входит в цель исследования, поскольку автор разделяет понимание функции права именно как «обратного воздействия» данного нормативного института на общественные отношения, а оно начинается с момента ознакомления социальных субъектов с уже существующим текстом юридических предписаний. Однако следует заметить, что формулирование подлинно правового содержания последних невозможно вне системности и непротиворечивости данных норм, издания актов меньшей юридической силы не только «на основании», но и в целях реализации актов большей юридической силы, совершенства юридической техники «исполнения» юридических предписаний и ее подчиненного характера по отношению к содержанию юридических норм.

«Среду» функционирования предложенных законодателем моделей поведения, применительно ко второй группе факторов, представляют сознание индивидов (социальных групп) и подсистемы (институты) общества, испытывающие правовое воздействие. Поскольку перспективной целью правотворчества является воплощение правовых новелл в осознанном поведении членов общества и деятельности социальных институтов, уяснение особенностей реализации интегративного потенциала правовой подсистемы по отношению к социальному целому невозможно без привлечения категории «социальное действие». Этот термин был предложен Вебером в рамках общей социологии для обозначения субъективно осмысленного действия, «которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действиями других людей» [1, с. 602-603]. Т. Парсонс, развивая и усложняя концепцию М. Вебера, действие социального субъекта («актора») включил в более широкое целое. Социальное действие представлено им как иерархическая кибернетическая система, где каждый последующий (более «высокий») ее уровень управляет предыдущим. Координация компонентов социального действия объясняется данным автором путем приписывания системе четырех «первичных функций»: воспроизводства нормативного образца, целедостижения, интеграции, адаптации к окружающей среде. Логика иерархического взаимодействия подсистем, которое поддерживает интеграцию социального действия, по Парсонсу, может быть представлена следующим образом.

«Низший» уровень составляет «поведенческий организм» – совокупность физических и психических свойств человеческого организма, обеспечивающих принципиальную возможность взаимодействия личности с социальной и физической средой. Адаптивная связь организма с его «окружением» обеспечивается системой потребностей, вокруг которой группируется

следующий системный уровень – «система личности» [2, с. 16; 3, с. 494]. Последняя охватывает индивидуальное поведение, которое опосредуется ориентацией личности в ситуации действия. Такая ориентация предполагает интерес актора к особенностям ситуации и альтернативам действия (когнитивный аспект) в связи с необходимостью выявления возможности/невозможности удовлетворения потребности (катексический аспект) и выбор варианта поведения из открывшихся альтернатив (оценочный аспект). Итог ориентации – индивидуальное ожидание относительно хода развития ситуации действия. Если избирается активное поведение, то оно предполагает преследование цели как изменения существующего положения вещей в интересах удовлетворения потребностей [4, с. 79-81]. Реализация целей осуществляется одновременно множеством «акторов», и их взаимодействие образует третий уровень системной иерархии – «социальную систему» (или общество). Данная подсистема способствует интеграции коллективных действий, организуя их в роли на основе единых нормативных образцов [2, с. 18-19; 3, с. 461, 494]. Непротиворечивость нормативных образцов, в свою очередь, обеспечивается «высшим» уровнем системы действия – «культурной системой». Ее содержание составляют наиболее абстрактные символы, ценности, идеи, которые могут быть распространены на предельно широкий круг социальных ситуаций и поддерживают однородность нормативных стандартов. Культурные ценности, согласно Парсонсу, приводят к социальному эффекту двумя способами: посредством их «встраивания» в мотивацию личности посредством обучения (социализации) либо благодаря их подкреплению системой санкций. В первом случае ценностные стандарты перестают быть частью культурной системы и включаются в нравственную сферу индивида, а во втором случае – остаются объектом внешней ситуации наряду с иными подобными объектами. К их числу исследователь также относит «социальные объекты» (личности и коллективы, поведение которых способствует или препятствует удовлетворению индивидуальной потребности определенным способом) и «физические объекты» (средства и условия достижения цели, объекты потребности и нормы) [3, с. 464-467, 489].

В соответствии со своей «четырёхфункциональной схемой» Парсонс структурирует общество на подсистемы: экономику (обеспечивающую адаптацию общества к материальному миру); политику (способствующую целедостижению через принятие властных решений о распределении ресурсов); социетальную систему как совокупность нормативных институтов (осуществляющую интеграцию посредством координации человеческого поведения); систему воспроизводства культурного образца (ответственную за социализацию личности и усвоение ею («интернализацию») социальных ценностей и норм) [2, с. 23-32]. Ведущую роль среди институтов нормативной интеграции Парсонс признает за правом и характеризует его как «общий

нормативный кодекс» в том смысле, что оно является своеобразной «кодификацией» всех социальных норм, определяющих ситуацию для членов общества и регулирующих их действия [2, с. 33].

Такая несколько пространная характеристика социального действия была необходима для изложения концептуальной основы дальнейших рассуждений автора. Интеллектуальное наследие М. Вебера и Т. Парсонса, на мой взгляд, может иметь такие следствия для юридической науки.

Во-первых, социальные субъекты проявляют интерес к содержанию и смыслу юридических норм и способны солидаризироваться с ними лишь постольку, поскольку последние связаны с субъективными потребностями и служат эффективным инструментом их удовлетворения. В противном случае, текст юридического предписания воспринимается как «семантический шум» и не является объектом мотивационного ориентирования. Правовые постулаты цивилизованного общества, изложенные Р. Паундом, (*состоящие в возможности индивида полагаться на то, что: 1) другие не будут посягать на его интересы; 2) он может владеть и управлять тем, что присвоено, создано, приобретено в соответствии с существующим социальным и экономическим порядком; 3) его контрагенты будут добросовестны и 4) будут отвечать за последствия своих поступков и воздерживаться от причинения ему вреда; 5) ущерб не будет причинен даже в результате непредусмотрительности и неосторожности других лиц* [5, с. 678-679]), есть ни что иное, как базовые человеческие потребности в переводе на «язык» права. В целом, ориентиром для их иерархического отражения правовой подсистемой может служить «пирамида» потребностей (от первоочередных – к менее насущным), изложенная А. Маслоу: *физиологические потребности – потребность в безопасности – потребности в любви, привязанностях и принадлежности – потребность в уважении – потребность к самоактуализации*. Причем каждая последующая потребность возникает лишь при определенной степени удовлетворения предшествующих ей по значимости потребностей [6, с. 74-75]. Поскольку социальная интеграция «обслуживается» потребностями в привязанностях и принадлежности, то на нее нельзя рассчитывать, если право не содействует необходимому удовлетворению базовых потребностей физического организма и потребности в безопасности.

Кроме того, поскольку интерес к юридическим предписаниям связан с удовлетворением субъективных потребностей, следует ожидать лучшее знание субъектами права конституционных норм и юридических моделей поведения в области профессиональной и иной активности индивидов (групп).

Во-вторых, степень согласия с юридическими предписаниями одновременно зависит от их соответствия культурной традиции и от степени ее освоенности, «овнутрения» правовых ценностей общественным сознанием. Если ценности, транслируемые правовой идеологией в рамках правовой

культуры общества, не интернализированы личностью, то основанные на них юридические нормы остаются лишь внешними объектами ситуации наряду с иными «физическими» (по Парсонсу) объектами ситуации – средствами удовлетворения потребностей и состоянием социальных институтов, вовлеченных в процесс получения желаемого блага. В этом случае правовое поведение в значительной мере определяется и таким «социальным объектом» ситуации как практика соблюдения или нарушения норм иными субъектами. Поскольку для удовлетворения своих потребностей индивид вынужден включаться в кооперацию с другими членами общества, групповая поддержка является символом возможности удовлетворения этих потребностей, и коллективное одобрение его действий служит внешним основанием самоуважения. Поэтому вполне оправдано ожидание большей солидарности личности с характером закрепленного в юридических нормах интереса, если он поддерживается членами группы и если соблюдение права в целом является одним из критериев престижа индивида в ней.

В-третьих, значительную роль в мотивационной ориентации личности (коллектива), оценке юридических норм и формировании поведенческой установки играет особый «социальный объект» – правоприменительная деятельность. В юридической литературе традиционно выделяется следующий ряд критериев ее социальной эффективности: законность, профессионализм субъектов правоприменения, оперативность принятия правовых решений и экономичность их осуществления. Однако следует учитывать особенности оценки содержания юридических норм профессиональным правосознанием (в том числе с точки зрения их, так называемой, «целесообразности») и влияние усмотрения правоприменителей на реализацию нормативных предписаний, его предполагающих. Интересное наблюдение в отношении субъективно-психологических факторов усмотрения сделали польские социологи. Суть их состоит в следующем: к выбору наиболее суровых наказаний были склонны лица, которым свойственно суровое воспитание в детстве, пониженная сопротивляемость к угрозам, чувство тревоги и низкая самооценка [7, с. 298]. Поскольку усмотрение не может быть полностью исключено из юридической практики, должны существовать правовые пределы его действия. Как представляется, к их числу можно отнести разрешение дела на основе всестороннего анализа его юридически значимых обстоятельств и содействие наиболее полной реализации принципов права в принятом решении, важнейшими из которых являются реализация социальной справедливости, формальное равенство субъектов права и обеспечение свободы личности. В целом, итог правоприменения должен гарантировать единство текстуально выражения права и практики его реализации.

В-четвертых, в соответствии со степенью согласия индивидов (групп) с содержанием юридических норм право способно оказывать интегративно-

организующее воздействие и на иные подсистемы общества. Последнее возможно потому, что функционирование социальных институтов осуществляется посредством человеческих действий, а индивидуальное (групповое, общественное) сознание как целостное творческое отражение тенденций развития общественных подсистем задает «вектор» правовой активности социальных субъектов.

Тем не менее, парсонсианская парадигма акцентирует внимание преимущественно на зависимости человеческого поведения от нормативных образцов, хотя и учитывает преобразующую роль сознания. Иными словами, она демонстрирует, как данный нормативный регулятор, сообразуя свои предписания с ценностными достижениями культурной традиции, интегрирует действия людей в непротиворечивый социальный порядок. Право существует не только в форме позитивированных норм, но и обнаруживает себя в правосознании и практике социальных отношений. Поэтому неверное законодательное определение совокупности правообразующих факторов, ошибочное моделирование правообразующего интереса и перспективной правовой установки социальных субъектов в тексте юридических норм может вызвать последующее «отторжение» данных нормативных образцов. Отсутствие законченного представления о статусе социальных «новаций» указывает на неспособность предложенной Парсонсом концептуальной модели служить для описания *творческой* роли права в интеграции общества.

Замечу, что Р. Мертон, один из первых учеников Т. Парсонса, пытался деликатно скорректировать суждения своего наставника при помощи введения в научный оборот понятий «явных» и «латентных» функций, «структурного контекста», «дисфункциональных последствий» действия социальных институтов и «функциональных альтернатив, эквивалентов, заменителей». Согласно данному автору, одна и та же функция может выполняться различными социальными явлениями («функциональными эквивалентами, альтернативами, заменителями»). Перечень реализуемых социальными подсистемами функций и их содержание зависят, по Мертону, от условий жизни конкретного общества («структурного контекста») [8, с. 410, 429-430]. Если баланс последствий действия подсистем общества снижает приспособление общества к окружающей его среде (т.е. «дисфункционален»), то возникают структурные конфликты, а вместе с ними – возможность социальных изменений [8, с. 417, 419, 428]. Кроме того, для объяснения возможности социальных противоречий исследователь апеллировал к категории «латентной функции» общественных институтов (объективных последствий их действия, которые не могут быть осознаны и не входят в намерения социальных субъектов) противоположной по смыслу «явной функции» как осознанному и предвосхищаемому результату действия [8, 428]. Л. Козер, представитель конфликтного направления в системно

функциональной теории, сформулировал свои выводы более категорично. Он рассматривал социальный конфликт как инструмент обновления и стабилизации социальных норм, т.к. в нем проявляются противоречащие интересы, возможно соизмерение потенциалов противников, а достижение согласия в итоге противостояния создает общественное равновесие на новых условиях [9, с. 544-545].

Исследования данных авторов позволяют внести уточнения относительно факторов реализации интегративной функции права. Поскольку интегрировать общество способно не только право, но и иные социальные подсистемы, то интегративное воздействие юридических норм зависит не только от освоенности ценностей правовой культуры индивидуальным и групповым сознанием, но и от их способности «вписаться» в единую структуру нормативного регулирования («социетальное сообщество» по Парсонсу). Правовой мотив составляет лишь часть этической сферы действующих субъектов, где осуществляется своеобразная «конкуренция» социальных ценностей (политических, экономических, религиозных и т.д.). Их взаимодействие образует итоговую закономерность («эуфункцию» в понимании Мертон), несводимую к частным тенденциям функционирования отдельных общественных институтов. Поскольку интегративный потенциал правовой подсистемы зависит и от «структурного контекста» (Р. Мертон) жизни общества, то право может и не быть «общим нормативным кодексом» (по выражению Т. Парсонса). Примером тому служат страны мусульманского Востока, где доминирующую роль в интеграции общества играет уникальный «симбиоз» правового и религиозного нормативных регуляторов при определяющем влиянии последнего.

Более законченное видение интегрирующей роли права в обеспечении **эволюционирования** общественной системы возможно на основе использования концептуальных достижений постнеклассической науки. Последней присуще новое, синергетическое видение социальных явлений, согласно которому общественные системы «становятся своеобразным текучим социокультурным полем, в котором границы со средой размыты, а устойчивость достигается за счет параметров порядка, возникающих и обновляющихся в процессе непрерывной самоорганизации» [10, с. 182].

Созвучно синергетической парадигме выстроена и теория социальной эволюции Н. Лумана. Логическая структура лумановской функциональной концепции, по мнению автора, может быть использована для раскрытия преобразующей роли права, когда его интегративность принимает форму движущей силы в **обновлении** общества. Согласно Луману, структура конкретного общества поддерживается культурной традицией, которая может и не соответствовать наличным социальным условиям [11, с. 151]. Такое соответствие обеспечивается непрерывным эволюционированием общества

посредством последовательного осуществления его подсистемами функций варьирования, селекции и рестаблизации [11, с. 17, 51]. «Варьирование» исследователь понимает как отклонение общественной системы от прежнего состояния в ходе коммуникации социальных субъектов, а широкий диапазон возможных отклонений порождает необходимость выбора («селекции») в пользу или против определенных инноваций [11, с. 50-51, 60]. Проверка нововведений на совместимость с требованиями общества как целого и его окружающей среды, способность «встраиваться» в них названа Луманом «рестаблизацией» [11, с. 91-92]. Отграничение между социальными подсистемами обнаруживается, по Луману, в процессе селекции, поскольку каждая из них использует свой особый «бинарный код» для оценки социальных коммуникаций (так право отличается кодом «правовое/ неправовое») [11, с. 174]. Кодирование обеспечивает относительную закрытость подсистем, их самостоятельное воспроизводство («аутопойезис») даже при социальных изменениях и основано на определенных критериях [11, с. 174-176; 12, с. 175-176]. Эти критерии из контекста лумановских рассуждений можно в целом обозначить как социальные ценности. Стабильность общественной системы, по мнению данного автора, носит динамический характер и заключается в ее самовоспроизводстве («аутопойезисе») как таковом [11, с. 177].

С учетом концепции Лумана, «эволюционная» форма реализации интегративной функции права может быть раскрыта в следующих положениях. Юридические образцы поведения, основанные на смоделированном законодателем правообразующем интересе, «проектируются» им как стабилизирующий и привносящий порядок в отношения социальных субъектов элемент общественной системы. Однако правовой характер юридических предписаний не более чем «интеллектуальная презумпция»: в соприкосновении с социальной действительностью может обнаружиться их несоответствие реальному состоянию общественных подсистем и потребностям, интересам, подкультуре членов общества как сфере освоенных ценностей общей правовой традиции. В таком случае негативное правовое чувство по отношению к юридическим нормам играет социально-приспособительную роль. Оно выполняет функцию «варьирования», т.к. создает мотивационные предпосылки отклонения от отрицательно оцениваемых нормативных моделей. Правовое сознание в соответствии со своим «двоичным кодом» (правовое/неправовое) отбирает такие необходимые для обновления общества девиантные модели поведения, которые в наибольшей степени соответствуют критериям «селекции» (базовым содержательным принципам права) – социальной справедливости, формальному равенству правовых субъектов и свободе личности. Правовые принципы (они же суть правовые ценности) являются осознанными и артикулированными достижениями культурной традиции, но их конкретное ситуативное наполнение производится в процессе «селекции»

правовых образцов поведения. Правовая подсистема обеспечивает интегрированное воспроизводство («аутопойезис») общества постольку, поскольку принимает лишь такой инновационный вариант социального действия, который одновременно обновляет содержание культурной правовой традиции и не вносит противоречия в ее структуру (т.е. содействует «рестабиллизации» в терминах Лумана). Таким образом, юридическая норма выступает фактором стабильности социальной системы, а правовое сознание и правовое чувство – движущей силой общественной эволюции.

Сделанный вывод можно перевести и на язык синергетической парадигмы. Негативное восприятие юридических установлений, создающее возможность варьирования правовой системы может быть определено как «точка бифуркации» (т.е. момент неустойчивости системы, в котором возникает возможность выбора: от лат. «bifurcus» – «раздвоенный», «вилка»), варианты потенциально возможного правового поведения – как «фракталы» (прообразы будущего состояния системы; от англ. «fractal» – «дробный»), а принципы права как критерии выбора новых образцов правового действия – в качестве «аттракторов» (структур, притягивающих к себе множество траекторий развития системы и отсекающих лишние потоки изменений с целью создать новые устойчивые состояния; от англ. «to attract» – «привлекать», «притягивать») [10, с. 218-220]. Тем не менее, признание созидательной роли названных компонентов правовой реальности в эволюционном обновлении общества само по себе нисколько не умаляет значение законности. Как верно замечает А.И. Экимов, «хотя законность и возникает на почве справедливости (справедливых правовых норм, справедливого права), после установления она сама становится важнейшим фактором обеспечения справедливости» [13; с. 96].

Правовое чувство может осуществлять приспособительную функцию «варьирования», а правовое сознание – «селекционировать» оптимальные правовые новации только при институциональной поддержке со стороны иных общественных подсистем. В политической сфере необходимо утверждение принципов «философии ненасилия»: отказа от монополии на истину и критического отношения к существующим позициям; стремления взглянуть на конфликтную ситуацию глазами оппонента; ведения политической «борьбы» не друг против друга, а друг за друга; открытости политических структур и их ответственности за свои действия [14, с. 69]. Причем право «первого голоса», на наш взгляд, должны иметь те политические силы, которые предлагают способы разрешения общественных конфликтов, исходя из общесоциальных, равно важных для всех интересов. Экономическая подсистема способствует приспособительной вариативности общества, когда существует устойчивый средний «класс», уравнивающий противоречия между наиболее богатыми и бедными слоями населения, что возможно только в условиях многоукладной экономики с эффективным управлением различными формами собственности.

Основные черты интегрирующей общество идеологии достаточно полно выражены российским исследователем Н.А. Косолаповым: рациональность и прагматизм; основанность на высоких, но достижимых целях; ориентированность на созидательное начало в общественных конфликтах; направленность на сотрудничество со всеми социальными силами; поиск опоры не в социальной, а когнитивной сфере посредством учета новейших достижений всех областей знания, открытости историческому опыту, постоянной корректировки своих положений практикой и отказа от претензий на априорное знание будущего [15, с. 11-14]. В религиозной сфере требуются последовательная реализация принципа свободы совести и недопущение религиозного экстремизма, а в области этического должен присутствовать ценностный плюрализм.

Заключение. Осуществление интегративной функции права как средства социального компромисса возможно исключительно на основе учета правообразующих факторов и соответствия юридических норм правообразующему интересу, корректность моделирования которого подтверждается одобрением членами общества юридических предписаний и их непосредственной реализацией в действиях социальных субъектов. Позитивное восприятие юридических норм правовым чувством и правовым сознанием символизирует верность «приложения» законодателем достижений общей правовой культуры данного общества к реальному «структурному контексту» его бытия. В названном случае юридические нормы выступают интегративным инструментом стабилизации социальной системы и воспроизводства культурной традиции, содержательно соответствующей условиям жизни общества («традиционная» форма реализации интегративной функции права). Напротив, когда сформулированные законодателем юридические модели поведения «отторгаются» социальным организмом, правовое сознание и правовое чувство продуцируют инновационные варианты правового поведения, по-иному раскрывающие ценностное содержание культурных достижений общества («эволюционная» форма реализации интегративной функции права). Ограничивающее условие принятия правовых «новаций» составляют основные принципы права – социальная справедливость, формальное равенство, обеспечение свободы личности – как критерии их отбора, препятствующие нарушению общей структуры культурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. В е б е р М. Основные социологические понятия // Избранные произведения: Пер с нем. – М., 1990. – С. 602-643.
2. П а р с о н с Т. Система современных обществ. – М., 1998.
3. П а р с о н с Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // О структуре социального действия. – М., 2002.
4. П а р с о н с Т. Социальная система // О социальных системах. – М., 2002. – С. 73-520.

Землянинова, Е.А. Факторы и формы реализации интегративной функции права / Е.А. Землянинова // Молодежь в науке – 2007: приложение к журналу «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». Сер. гуманіт. навук : в 4 ч. / редкол.: П.Г. Никитенко (гл. ред.), В.В. Гниломедов [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2008. – Ч. 2. – С. 329–335.

5. Паунд Р. Социальное управление посредством права // Антология мировой правовой мысли: В 5 т. – Мн., 1999. – Т.3: Европа. Америка: XVII-XX вв. – С. 678-679.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. – СПб., 2006.
7. Подгурецкий А. Очерк социологии права. – М., 1974.
8. Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., 1996. – С. 393-461.
9. Козер Л. А. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль: Тексты. – М., 1996. – С. 542-546.
10. Касперович Г. И. Синергетические концепции управления: Курс лекций. 2-е изд., испр. – Мн., 2005.
11. Луман Н. Общество общества: В 5 т. Т. 3: Эволюция. – М., 2005.
12. Луман Н. Общество общества: В 5 т. Т. 4: Дифференциация. – М., 2006.
13. Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. – Л., 1980.
14. Заветный С. А. Социальное управление и личностное самоуправление: истоки и взаимодействие. – Харьков, 1999.
15. Косолапов Н. А. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 3-24.

Y.A.ZEMLIANINOVA

FACTORS AND FORMS OF LAW INTEGRATIVE FUNCTION REALIZATION

Summary

The main goal of the author of the article is to determine the factors and forms of law integrative function realization. According to her view, this function is possible, when the legislator takes into consideration «lawmaking» social life tendencies and «lawmaking» social interests in order to insure legal rules legitimation and implementation of law prescriptions into social subjects' actions. Positive reflection of norms in sense of justice symbolizes, that the legislator correctly applied general law culture achievements to the real structural context of the concrete society being. In mentioned case, legal norms are functioning as a mean of social system stabilization and of its cultural tradition reproduction (*«traditional» form of law integrative function realization*). On the contrary, when the legal models of behavior, given by the legislator, are rejected by social organism, feeling for law and order generates innovative variants of legal behavior (*«evolutionary» form of integrative function of law*). The limitation for all legal innovations is composed by basic principles of law. These are social justice, formal equality, individual freedom protection – the criteria of selection, preventing the breach of cultural tradition general structure.